

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии Национального университета "Киево-Могилянская академия", старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

СТАНИСЛАВА БРОДСКАЯ,

аспирантка кафедры социологии НаУКМА

Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов

Abstract

Social classes are salient for the explanation of variations in life chances according to weberian tradition in sociology. Some concepts of life chances in sociology are reviewed, particularly in the modern class analysis. J. Goldthorpe's class scheme is used to identify individual's class location. In Ukrainian society now social classes differentiate individual's life chances much weaker than in the developed capitalist societies. Individuals from all social classes estimate their life chances rather low as a whole. Only slight modification is empirically verified.

Классовый анализ в современной социологии характеризуется большим разнообразием концептуальных подходов и эмпирических исследований, неоднозначностью дефиниций классов и определения их границ. Реальность разделения общества на классы можно обосновать эмпирически подтвержденным влиянием классовой принадлежности индивида не только на его экономические ресурсы, личностные характеристики, политические предпочтения и вкусы, но и на то, что является достижимым и недостижимым для него в обществе, теоретически открытом для всех и каждого. Обобщенным показателем существования классовых различий, который, правда, может включать весьма разнообразный перечень эмпирических пе-

ременных, считаются так называемые жизненные шансы или возможности. Нередко непосредственной или опосредованной целью исследователей является оценка того, в какой мере неравномерное распределение жизненных шансов структурируется на основе классовой принадлежности. Класс рассматривается как фактор, обладающий потенциалом объяснения ряда явлений, последствий и различий. Принципиальной задачей классового анализа выступает исследование связей между классовыми позициями и жизненными шансами. Не ограничиваясь последней перспективой, класс обычно считается фактором других возможных влияний или следствий, а именно различий в плане установок, ценностных ориентаций, вкусов, моделей поведения, неосознаваемого как классовое, и сознательного классового поведения, то есть возможных совместных действий на основе осознания своего классового положения [1].

Целью этой статьи является аналитический обзор ряда концепций, в которых обосновывается корреляция дифференциации жизненных шансов человека с его социально-классовой принадлежностью, а также интерпретация эмпирических данных, касающихся различий жизненных шансов вследствие структуризации населения Украины по классовой схеме английского социолога Дж.Голдторпа.

Интерпретация жизненных шансов в социологии

В течение XX века словосочетание “жизненные шансы” приобрело в социологии терминологическое значение, заняв свое место в словарях и энциклопедиях, но, подобно многим другим социологическим понятиям, не имеет общепринятого и устоявшегося содержания. Неопровержимым и общепризнанным остается только имя человека, который, собственно, и ввел это понятие в социологию. Эта честь принадлежит Макс Веберу.

Один из наиболее известных в социологии словарей определяет жизненные шансы как “материальные вознаграждения, социальные и культурные возможности или недостаток возможностей, которых может ожидать типичный член группы или класса в пределах конкретного общества. Первоначально употребленное Вебером понятие, в частности применительно к анализу класса и статуса, позже разработанное Дарендорфом (1979), сфокусировано на неравенстве. Возможно, наиболее острым является неравенство распределения жизненных шансов в отношении здравоохранения и связанное с этим неравенство продолжительности жизни” [2, с. 369].

Известный британский социолог Гордон Маршалл определяет жизненные шансы как “понятие, употребленное М.Вебером в анализе класса и статуса, в частности в сочетании с понятием классовой ситуации. Обладание собственностью и контроль за товарами и услугами на рынке, являющиеся следствием распределения власти в обществе, определяют “шанс” достижения индивидуальных целей путем социального действия. В дальнейшем термин стал общепотребимым, особенно в рамках изучения социальной мобильности, когда закрытость общества уменьшает возможности (шансы) продвижения для социальных классов, женщин, этнических или расовых меньшинств. Речь идет о шансах на получение образования, охрану здоровья, материальные вознаграждения и статусную мобильность” [3, с. 291].

Считается, что именно Макс Вебер положил начало традиции классового анализа общества с выделением классов как общностей людей, находящихся

в одинаковой классовой ситуации и имеющих аналогичные жизненные шансы, в капиталистическом обществе детерминированные рынком. Такой подход и сейчас признают, ценят и предлагают последующим поколениям молодых специалистов со страниц учебников, принадлежащих перу классиков современной социологии, таких как Энтони Гидденс, который в последнем издании своего общеизвестного “Вступления к социологии” утверждает, что “понятие жизненных шансов, введенное М.Вебером, — это самый лучший путь понять, что означает класс. Ваши жизненные шансы представляют собой возможности, которые вы имеете для достижения экономического процветания. Человек низшего происхождения, например, имеет меньше шансов стать богатым, чем кто-либо из более обеспеченной среды. А тот, кто начинает богатым, имеет и наибольшие шансы быть богатым... Идея жизненных шансов крайне важна, поскольку подчеркивает, что класс оказывает важное влияние на то, что происходит в нашей жизни, однако не детерминирует жизнь полностью. Классовое деление влияет на наше местожительство, стиль жизни, которого мы придерживаемся, даже на выбор сексуальных и брачных партнеров. Однако оно не привязывает людей к определенным социальным позициям навечно, что предполагали предыдущие системы стратификации” [4, с. 148].

Вебер, подобно Марксу, признавал классы как составляющие экономической структуры общества, связывая понятие “классы” прежде всего с капиталистическим обществом (но не только), где самым важным регулятором социально-экономических отношений является рынок. Вебер считал возможным говорить о “классе”, если соблюдаются несколько условий: 1) определенная совокупность людей имеет общий специфический компонент их жизненных шансов; 2) такой общий компонент образуется исключительно на основе экономических интересов в плане обладания благами или возможности получения дохода и 3) эти шансы реализуются в условиях рынка товаров или рынка труда [5, с. 61].

Соблюдение этих условий конституирует то, что Вебер называет “классовой ситуацией”, являющейся, по сути, “рыночной ситуацией”, что означает наличие возможностей реализации своего экономического интереса, обеспечения себя материальными и социальными благами. Члены одного класса разделяют общие жизненные шансы, предоставляемые рынком в соответствии с ресурсами, с которыми индивиды выходят на рынок для обмена, и эти ресурсы могут существенно варьировать. Одним из основных ресурсов, безусловно, является собственность, которую индивид может (ибо имеет) или не может (ибо не имеет) представить на рынке. Однако такими ресурсами являются не только собственность, но и умения, навыки, квалификация, услуги, образовательные ресурсы и т.п. “Вариации” в рыночных позициях возникают на основе различий в обладании рыночно-релевантными активами, ресурсами, пользующимися спросом и годными для обмена в данной рыночной ситуации, одновременно являющейся ситуацией классовой, то есть ситуацией классового деления экономически активного населения.

Как известно, параллельно в социологии существует и не менее активно, чем веберовская, воспроизводится марксистская традиция классового анализа; между ними, по мнению современных классовых аналитиков, много общего. Обе концепции являются отношенческими, а не распределительными (градационными). В обеих класс определяется в рамках экономических отношений в обществе, отношений между людьми по поводу распре-

ления экономических активов или ресурсов. Марксисты называют это отношениями по поводу средств производства. Веберianцы говорят о “рыночных возможностях”. Но и те, и другие говорят об очень схожих эмпирических явлениях. Обе традиции причинностную сущность класса хотя бы частично усматривают в том, что эти отношения суть выражение материальных интересов индивидов. Собственность на средства производства и собственность на собственную рабочую силу объясняют социальное взаимодействие, поскольку эти права собственности представляют собой альтернативные пути достижения материального благосостояния. То, что люди имеют, налагает ограничения на то, что они могут делать ради достижения желаемого [6, с. 29–30].

По мнению неомарксиста Эрика Райта, основное отличие передают ключевые для каждой из теоретических традиций слова: “жизненные шансы” — для веберianцев и “эксплуатация” — для марксистов. То, почему производство является центральным для марксистского классового анализа, объясняется важностью проблемы эксплуатации. То, почему веберianцы ставят акцент на рынке, определяется его непосредственным влиянием на жизненные шансы.

Тип и количество ресурсов, которыми человек обладает, определяют его возможности получения дохода в процессе рыночного обмена. Владение средствами производства дает людям другие шансы, нежели обладание аттестатами и дипломами, но обе эти ситуации отличны от простого обладания неквалифицированной рабочей силой. Более того, в рыночной экономике доступ к рыночно обусловленному доходу определяет гораздо более широкую совокупность жизненных практик и возможностей для себя и своих детей. Поэтому изучение обусловленных рыночными возможностями родителей жизненных шансов детей — неотъемлемая часть веберianского опыта классового анализа.

“Эксплуатация” является сердцевинной марксистского классового анализа, отличительной чертой отношений людей по поводу экономических ресурсов. Как “эксплуатация”, так и “жизненные шансы” указывают на неравенство материального благосостояния, обусловленное неравенством доступа к разным видам ресурсов, что подчеркивает конфликт относительно распределения этих ресурсов. Однако эксплуатация добавляет к этому то, что конфликт интересов между классами обусловлен не только тем, что люди имеют, но и тем, что они с этим делают. Тем самым понятие эксплуатации акцентирует внимание на конфликте в рамках производства, а не просто конфликтах на рынке. Это существенное различие между марксистской и веберianской традициями классового анализа обобщено на помещенном в монографии Э.Райта рисунке [6, с. 34] (см. рис. 1).

После работ М.Вебера использование понятия жизненных шансов получило дальнейшее распространение в классовом анализе в целом, а также далеко за его пределами, превратившись в общесоциологический термин. Ныне к различию жизненных шансов обращаются как к показателю классовой дифференциации приверженцы как отношенческой модели классовой структуры, так и градационной, то есть модели социальной стратификации, где обычно тоже употребляют понятие класса, только в значении социальной категории. Однако в случае градационной модели классовой стратификации (по типу высший — средний — низший классы) исследователи в

основном ограничиваются констатацией зависимости жизненных шансов от классовой категории или страты, не поднимая вопрос о природе самих классов/страт, употребляя весьма разнородные, но в целом не основывающиеся на реальных отношениях занятости критерии стратификационного деления, например, профессия, образование, доход, социальная самоидентификация, наличие дома, автомобиля и других предметов длительного пользования, стиль потребления и отдыха и т.п. Перечни жизненных шансов, на которые социальная принадлежность индивида, например к низшему или высшему классу, оказывает существенное влияние, содержат произвольные — в зависимости от цели исследователя — наборы показателей: продолжительность жизни, смертность новорожденных и детей, заболеваемость, в первую очередь психическими болезнями, качественные и количественные показатели образования для детей, стабильность/нестабильность занятости, продолжительность и качество брака, социальные контакты и разнообразие досуга, типы преступлений и наказаний, уровень виктимизации, возможности для мобильности и др. [7].

I. Веберианский классовый анализ

II. Марксистский классовый анализ

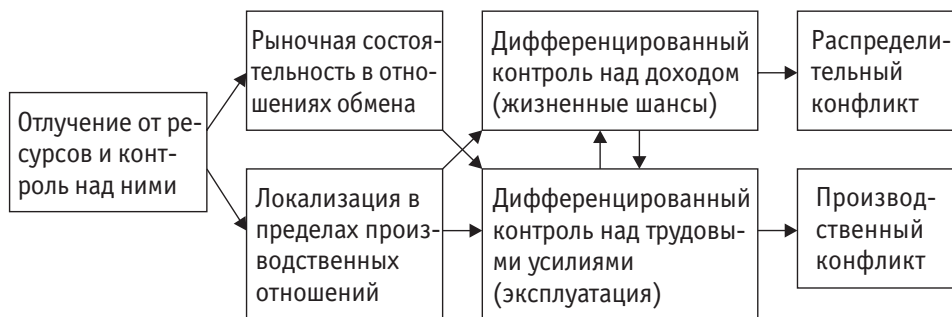

Рис. 1. Две модели классового анализа

Вне собственно классового анализа Э.Гидденс обращается к понятию жизненных шансов, рассматривая социальные изменения и власть и считая, что власть порождается через воспроизводство властных структур, в основе которых лежат ресурсы двух типов: аллокативные и авторитативные. Среди последних — организация жизненных шансов, то есть шансов на саморазвитие и самовыражение [8, с. 356]. Э.Гидденс указывает на категорию жизненных шансов как не зависящую полностью от материальной производительности общества: “Характер и масштаб власти, порожденной авторитативными ресурсами, зависят не только от расположения тел, передвигающихся по пространственно-временным путям, но и от жизненных возможностей субъектов деятельности. “Жизненные шансы”, или “жизненные ожидания” означают, в первую очередь, возможности простого выживания людей в раз-

ных формах и зонах общества. Вместе с тем понятие жизненных шансов подразумевает также весь спектр способностей и возможностей, которые имел в виду Вебер, вводя в обращение этот термин” [8, с. 359]. Примером Э.Гидденсу служит массовая грамотность, поскольку грамотное население мобилизуется в пространстве и времени иначе, нежели в соответствии с реалиями устных культур.

Известный современный немецкий социолог Ральф Дарендорф как сторонник либерализма и член Либеральной партии, постоянно делал акцент на индивидуальных жизненных шансах, что, по его мнению, предполагает две вещи. Во-первых, незыблемость человеческих прав (индивидуальных прав и гражданских прав), что является фундаментальным универсальным принципом повсюду в мире, но иногда требует защиты у себя дома. Во-вторых, социальный порядок или социальная структура должны обеспечивать широкие возможности и чувство гражданства для всех, то есть через гражданство доступ к широкому выбору возможностей. В этом и заключается либеральная особенность — подчеркивать и гражданство, и возможность выбора. Реформистский либерализм настаивает на изменениях, которые дадут больше возможностей выбора и гражданских прав для каждого [9].

В своей монографии [12] Р.Дарендорф в широком историческом контексте анализирует жизненные шансы сквозь призму возможностей выбора и связей с социальным окружением, которое подтверждает достигнутое индивидом либо в большей или меньшей мере ограничивает реально, а не формально возможное. Возможности выбора (options) предполагают как право на выбор, так и наличие предложения. Например, индивид может иметь право учиться в университете, но необходимо также наличие достаточного количества мест для обучения или стипендий для выходцев из низших социальных классов. Вторым не менее важным элементом индивидуальных жизненных шансов являются “привязки” (ligatures), то есть связи человека с разными значимыми для него группами или ценностями. В каждом обществе складывается определенный баланс возможностей выбора и социальных связей, удерживающих человека в конкретной группе. В доиндустриальных аграрных обществах их членам было дано больше привязок, чем выборов. Индустриальные и постиндустриальные общества, наоборот, предлагают широкий выбор возможностей, существенно ослабив связь индивидов с социально-групповым окружением. Семьи из расширенных превратились преимущественно в нуклеарные и нестабильные. Социальные идентичности индивида не определяются автоматически фактом рождения в определенной семье и дальнейшей неизбежной принадлежностью к ряду социальных групп. Унаследованные или временно установленные связи довольно легко обрываются с каждым актом географической, профессиональной или социальной мобильности. Хотя потребность в постоянном подтверждении собственных социальных идентичностей со стороны других сохраняется и каждый раз образуются новые “привязки” вместо разорванных.

Таким образом, предлагаемые той или иной культурой жизненные шансы являются сочетанием двух элементов: наличия “выборов”, доступных индивиду возможностей совершать личный выбор, с одной стороны, и “привязок”, различных социальных связей, от которых индивид зависит или которые обуславливают и подтверждают превращение возможности выбора в его реальное воплощение.

Можно ли, воспользовавшись концепцией Р.Дарендорфа, считать социальный класс такой “привязкой” жизненных шансов? Видимо, однозначный ответ невозможен. Ведь классовая принадлежность, как и статус занятости, не является предписанной индивиду от рождения. С другой стороны, определенная классовая принадлежность семьи, ее материальный и мотивационный потенциалы могут оказаться именно тем набором ограничений, который сделает невозможным осуществление выбора, например, в плане образования, карьеры, стиля жизни в целом. Реально сделанный выбор, достигнутая цель, осуществленная мобильность тоже требуют определенной “привязки” в виде признания со стороны других, подтверждения новой групповой принадлежности.

На фоне весьма убедительного и эмпирически обоснованного признания социально-классовой природы дифференциации жизненных шансов распространяются взгляды на наиболее развитые общества, идущие постиндустриальным путем развития, как на социальную среду, в которой жизненные шансы человека все меньше и меньше зависят от его групповой, в том числе и классовой принадлежности, вместо этого происходит их индивидуализация, о чем убедительно пишет немецкий социолог Ульрих Бек. В результате так называемого эффекта лифта, несмотря на сохранение определенных неравенств в обществе, “произошло коллективное увеличение доходов, увеличились шансы получить образование, возможности путешествовать, возросло правовое, научное обеспечение и обеспечение товарами массового спроса. В результате истончаются и аннулируются субкультурные классовые идентичности и связи. Одновременно начинается процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, который подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание” [11, с. 112]. Вследствие роста благосостояния, увеличения продолжительности жизни, повышения уровней образования, социальной мобильности и постиндустриального экономического развития классовые идентичности и классовые неравенства утрачивают решающее значение, уступая место другим источникам социальной и политической идентичностей, жизненных шансов и социальных противоречий в развитых индустриальных обществах, подчеркивает целый ряд современных социологов [12–14].

В развитых обществах неоспорима особая роль образования в том, какие шансы открываются перед индивидом на рынке труда. Получив образование, человек может иметь шансы, существенно отличающиеся от шансов его родителей. Однако качество образования и количество лет обучения, особенно там, где образование платное, в значительной мере зависят от социально-классового происхождения индивида. Рыночные шансы родителей среди прочего означают возможность дать или не дать образование детям (не только в смысле оплаты обучения, но и в смысле ориентации на образовательные достижения). Для детей образование определяет их шансы на рынке труда. Однако такое распределение неравных социальных шансов через образование становится все более проблематичным в развитых демократических обществах, как утверждает У.Бек в отношении Федеративной Республики Германии. Резко уменьшилась для всех и каждого вероятность доступа к высокостатусным позициям с получением аттестата или диплома. Превращение системы образования в общедоступную и бесплат-

ную даже на самом высоком ее уровне приводит к утрате статусораспределительной функции образовательной системы, или же ее функции распределения социальных шансов [11, с. 225]. По каким критериям ограниченные социальные шансы будут распределяться теперь и в будущем между формально равным образом (как высоко, так и низко) образованными и квалифицированными? Отбрасывая фактор классовой принадлежности, У.Бек предполагает, что решающим будет значение таких признаков, как пол, возраст, здоровье, мировоззрение, манеры, связи, региональные привязки и т.д., то есть фактическое возрождение сословных критериев, рефеодализация распределения социальных шансов и рисков на рынке труда.

Таким образом, У.Бек представляет противоположную тенденцию, отказываясь от идеи общего классового сходства жизненных шансов, теоретически и эмпирически обосновывая непрерывность процесса индивидуализации жизненных шансов как отрицания коллективной классово обусловленной судьбы. Вряд ли нечто подобное произойдет в ближайшей перспективе в украинском обществе, где из-за особенностей социально-политического развития образование в полной мере так и не приобрело должной статусораспределительной функции, как это произошло в западных капиталистических обществах. Пока мы находимся на очень длинном пути к полноценному признанию образования и квалификации как наиболее важных социально-статусных характеристик индивида и согласованию их с другими измерениями, прежде всего доходом и престижем.

Оценка жизненных шансов представителями разных социальных классов

Вернемся к пока еще весьма распространенному в современной социологии убеждению, что жизненные шансы коррелируют с классовой локализацией. Это однозначный вывод социологов, продолжающих развивать классовый анализ, прежде всего его веберианскую традицию, ярким примером чего является работа Дж.Голдторпа и его британских коллег, один из которых, Дж.Эванс, на основании результатов проведенных им исследований приходит к выводу об отсутствии эмпирических доказательств относительно ослабления в сознании людей представлений о влиянии социального класса на жизненные шансы и понимания того, кто и чего достигает в их обществе. Разумеется, класс не является единственным фактором детерминации жизненных шансов, однако остается одним из важнейших — так сказать, “добрым старым” неравенством среди ряда “новых”, каковыми являются гендерное, возрастное, этническое, региональное [15, с. 450–470]. В Великобритании такой взгляд не только свойственен социологам, но и получил вполне официальное признание со стороны правительственных структур. Ежегодные доклады Комиссии по вопросам социальной справедливости (The Commission on Social Justice) свидетельствуют, что в этой стране класс — это важнейшая детерминанта жизненных шансов человека, и потому он является первым среди факторов, определяющих общество как несправедливое [16, с. 3].

Так, считается, что в рамках неовеберианского подхода социолог может оценить, насколько такое явление, как неравенство жизненных шансов среди индивидов и семей, структурируется на основе класса. Поэтому схема классовой структуры, разработанная на позициях неовеберианства, “явля-

ется набором принципов, по которым позиции располагаются в классы, чтобы охватить основные измерения дифференциации на рынках труда и в пределах производственных единиц, решающие для распределения жизненных шансов” [1]. Таковыми в веберианской традиции классового анализа считаются разработанные британским социологом Дж.Годторпом и его коллегами концепция и схема классов, определившие один из наиболее распространенных среди европейских социологов в течение последних нескольких десятков лет подходов к идентификации и измерению социальных классов, а также исследованию социальной мобильности.

Социально-классовая принадлежность индивида определяется по его/ее занятиям, а также на основании характеристик рыночной и трудовой ситуаций. Рыночная ситуация является определяющей для источников и уровней дохода, прочих условий занятости, уровня экономической безопасности, шансов на экономический успех индивидов. Трудовую ситуацию обуславливает место индивидов в системе власти и контроля за процессом производства, в который они вовлечены [17, с. 40]. Классы должны также отражать различия не только между работодателями и наемными работниками, но и неоднородность последних, обусловленную разной природой отношений с работодателями. Ощутимые классовые различия существуют между теми наемными работниками, которые находятся в так называемых служебных отношениях (*service relationships*) с работодателями, и теми, кто работает по трудовому контракту (*labour contract*) [18, с. 37]. Форма отношений занятости (а соответственно и классовая принадлежность) оказывается определяющей для жизненных шансов человека, поскольку предполагает различные вознаграждения, стимулы и возможности.

Учитывая, помимо указанных, целый ряд факторов (кардинальное увеличение количества наемных работников в течение XX века, превращение индивидуальной частной собственности преимущественно в корпоративные формы, сближение в определенной степени позиций работающих собственников-менеджеров и менеджеров — наемных работников и др.), Дж.Годторп выделяет одиннадцать классов в структуре современного развитого капиталистического общества (детальный анализ классовой схемы представлен в: [19]).

В эмпирических исследованиях, включая сравнительные, чаще всего применяется семиклассовая версия схемы Дж.Годторпа, которая для исследований в Украине была модифицирована в восьмиклассовую и содержала следующие классовые категории:

- I служебный класс высшего уровня (профессионалы, занятые высококвалифицированным умственным трудом, — как самозанятые, так и наемные; руководители государственных органов власти, администраторы и менеджеры крупных промышленных предприятий; крупные частные собственники);
- II служебный класс низшего уровня (профессионалы низших уровней квалификации, власти и управления; администраторы и менеджеры небольших промышленных предприятий; руководители среднего уровня, управляющие занятыми нефизическим трудом наемными работниками);

- III промежуточный класс работников рутинного нефизического труда (наемные работники административных органов, сферы торговли, обслуживания, коммерции и т.п.);
- IV класс мелких собственников, самозанятых, фермеров;
- V промежуточный класс технических работников и руководителей нижнего уровня в сфере физического труда (техники, бригадиры, прорабы, мастера);
- VI класс квалифицированных работников физического труда в промышленности;
- VII класс полу- и неквалифицированных работников физического труда в промышленности;
- VIII класс полу- и неквалифицированных работников физического труда в сельском хозяйстве.

Вопрос о целесообразности применения в украинском обществе разработанных Дж.Голдторпом концепции и эмпирической схемы классов остается дискуссионным. Рынок труда, товаров и услуг в Украине пребывает в процессе формирования, существенно не влияя на ситуацию занятости для работающих в государственном секторе экономики. Предварительный опыт применения классовой схемы (три исследовательских проекта 1990-х годов) позволил приобщить Украину к сравнительным исследованиям социально-классовой структуры развитых капиталистических и постсоциалистических стран и впервые в отечественной социологии исследовать основные тенденции межпоколенческой классовой и образовательной мобильности. Несмотря на острый социально-экономический кризис, Украина в целом остается индустриальной страной с характерными тенденциями разделения труда, существенными различиями между физическим и умственным трудом, управленческим и исполнительским, высококвалифицированным и неквалифицированным. Однако, принимая во внимание непродолжительность и временами стихийность процессов формирования рыночной экономики, все еще огромную роль государства, а не рынка в определении как ценности, так и стоимости многих видов занятий, социально-статусные характеристики и условия занятости индивидов, даже при одинаковых профессиональных занятиях могут существенно различаться в зависимости от сектора экономики — государственного или негосударственного. Уровень дохода представителей одинакового вида занятости может отличаться в несколько раз, а то и на несколько порядков. Значительно более низкая оплата высококвалифицированного умственного труда, даже управленческого, по сравнению с высоко- или полуквалифицированным физическим, остается скорее общей тенденцией, нежели исключением. Ситуация несогласованности статусных характеристик значительной части занятых приводит к существенной дифференциации внутри выделяемых классовых категорий. Поэтому ожидать четкой корреляции классовой принадлежности с жизненными шансами индивидов вряд ли стоит. Хотя один из таких шансов на осуществление мобильности, как показали предварительные исследования, довольно четко коррелирует с социально-классовым происхождением индивидов и в украинском обществе [19].

Взглянем на ряд других жизненных шансов и самооценку их реализации со стороны индивидов, которые, по схеме Дж.Голдторпа, принадлежат к

разным классовым категориям. Для этого обратимся к данным ежегодного мониторинга Института социологии НАН Украины за 2003 год. Респондентов просили отметить, в какой мере они согласны или не согласны с каждым из суждений, касающихся их жизненных шансов и возможностей, полный перечень которых приведен в таблице 1. Мы старались охватить как можно более широкий спектр жизнедеятельности людей в различных сферах жизни — от удовлетворения ежедневных потребностей в пище, одежде, медицинском обслуживании, безопасности и т.п. до шансов на самореализацию, карьерное продвижение, открытие собственного дела, содержательный досуг и отдых за границей.

Для обобщенного анализа и интерпретации картины жизненных шансов и возможностей был осуществлен факторный анализ ответов респондентов, на основе чего выделено 4 фактора, объяснительная сила которых составляет 61,14%. В таблице 1 приведены результаты вращения факторов по методу Варимакс с нормализацией Кайзера при количестве итераций, равном 6.

Таблица 1

Результаты факторного анализа ответов респондентов относительно оценки собственных жизненных шансов
(приведены значения, модули которых $> 0,300$)

Признаки	Факторные нагрузки			
	Фактор 1. Шансы на самореализацию и карьеру	Фактор 2. Шансы на комфортную жизнь	Фактор 3. Шансы на обеспечение основных жизненных потребностей	Фактор 4. Шансы на улучшение личной жизни и безопасность
1	2	3	4	5
1. Полностью удовлетворять потребности в продуктах питания			0,774	
2. Полностью удовлетворять потребности в одежде, предметах повседневного употребления		0,362	0,741	
3. Приобрести квартиру, дом		0,773		
4. Приобрести автомобиль		0,820		
5. Делать сбережения		0,700	0,355	
6. Позволить себе полноценный отпуск		0,675		
7. Разнообразно, в соответствии с интересами проводить время	0,309	0,329		0,448
8. Отдыхать за границей		0,746		
9. Чувствовать себя в полной безопасности на улице и дома				0,749
10. Защитить права, честь, достоинство				0,750
11. Устроить личную жизнь по своему желанию	0,338			0,600

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
12. Переехать в другой населенный пункт	0,399			0,432
13. Получить такое образование, о котором мечтал	0,433			0,478
14. Дать детям высшее образование	0,443		0,428	
15. Получить качественную медицинскую помощь	0,379		0,502	
16. Приобрести лекарства в полном объеме	0,415	0,335	0,566	
17. Осуществить жизненные планы, достичь успеха	0,648		0,368	0,322
18. Иметь интересную, высокооплачиваемую работу	0,719			
19. Быть обеспеченным человеком	0,691	0,320	0,342	
20. Иметь дополнительный заработок	0,665			
21. Осуществить должностное продвижение, иметь профессиональные перспективы	0,752			
22. Открыть собственное дело	0,618	0,378		
23. Реализоваться как специалист	0,757			
24. Повышать квалификацию, навыки	0,778			
25. Жить лучше, чем родители	0,564		0,480	
26. Сделать жизнь детей лучше собственной	0,563		0,527	
Вклад фактора в суммарную дисперсию (%)	44,79	7,42	4,77	4,15

Первый фактор в обобщенном виде определяет шансы респондентов на самореализацию и карьеру. Максимальную факторную нагрузку в пределах 0,777–0,727 несут признаки “возможность повышения квалификации”, “должностное продвижение”, “реализация в качестве специалиста” и “наличие интересной, высокооплачиваемой работы”. Меньшая, но довольно высокая факторная нагрузка у признаков, касающихся обеспеченности (0,691), возможности иметь дополнительный заработок (0,665), осуществления жизненных планов, достижения успеха (0,648) и возможности открыть собственное дело (0,618). Дополнительными признаками выступают “возможность жить лучше родителей”, “сделать жизнь детей лучше собственной” и “возможность дать детям высшее образование”.

Во второй фактор, условно названный “шансы на комфортную жизнь”, вошли все признаки, характеризующие возможность делать ценные покупки и сбережения. Самые большие факторные нагрузки оказались у шансов на приобретение автомобиля (0,820), подкрепляемых шансами на приобретение жилья (0,773) и возможностью отдыха за границей (0,746). Нагрузки признаков “возможность делать сбережения” и “возможность полноценного отпуска” тоже довольно высокие (0,700 и 0,675 соответственно).

В противовес второму, третий фактор описывает шансы на обеспечение основных жизненных потребностей вроде приобретения продуктов и одежды (0,774 и 0,741 соответственно). Признаки “приобретение лекарств в полном объеме” (0,566) и “возможность получать качественную медицинскую

помощь” (0,502) хотя и вошли в третий фактор, однако несут значительно меньшую факторную нагрузку.

Четвертый фактор характеризует шансы на личную защищенность, безопасность и улучшение личной жизни. Фактор определяется такими признаками, как “возможность чувствовать себя в полной безопасности на улице и дома” (0,749) и “возможность защитить права, честь, достоинство” (0,750).

Полученные факторы представлены в трехмерном пространстве на рис. 2.

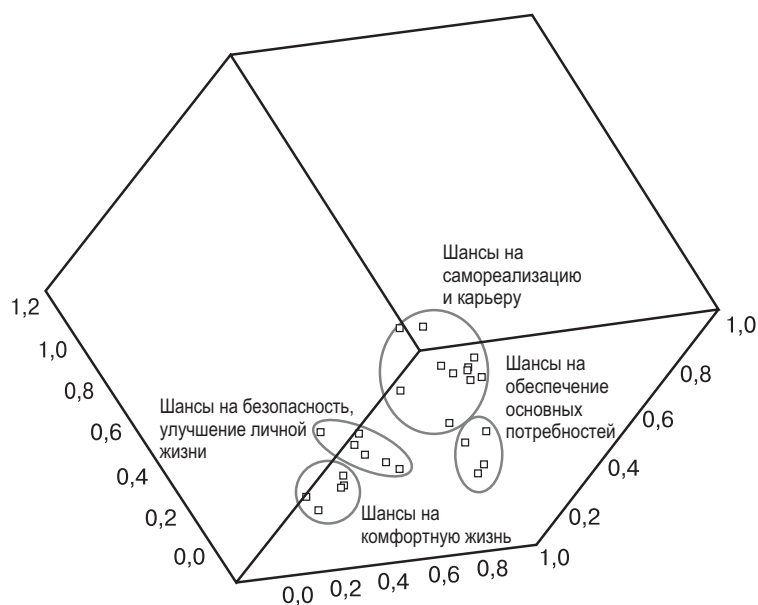

Рис. 2. Диаграмма факторов в обратном пространстве

Субъективная оценка населением Украины собственных жизненных шансов свидетельствует, что ныне процент неудовлетворенных по всем позициям преобладает над процентом удовлетворенных. На рисунке 3 представлено распределение ответов респондентов по измерению “согласен — не согласен” по определяющим признакам из каждого фактора. Можно видеть, что только по признакам из первого фактора (шансы на самореализацию, карьера) и третьего (шансы на обеспечение основных жизненных потребностей) тех, кто не соглашается с наличием таких шансов, больше в 3–4 раза, а по всем остальным различие между “согласен — не согласен” еще больше. В утверждениях граждан Украины прослеживается четкое распределение: категорическая негативная оценка своих возможностей или несколько смягченная. Наиболее дискриминирующим является второй фактор (шансы на комфортную жизнь), в который вошли признаки, связанные с прямыми значительными материальными затратами. По всем критериям негативная оценка превышает позитивную в 16–40 раз. Смягченная характеристика жизненных шансов прослеживается в тех утверждениях, где оценка не связана непосредственно с денежным измерением, — это возможность чувствовать себя в безопасности, защита достоинства и чести, возможность устройства личной жизни, получение образования, как лично, так и детьми,

карьерные и профессиональные возможности и т.п. В целом это те признаки, которые вошли в четвертый (шансы на безопасность и улучшение личной жизни) и первый (шансы на самореализацию, карьера) факторы.

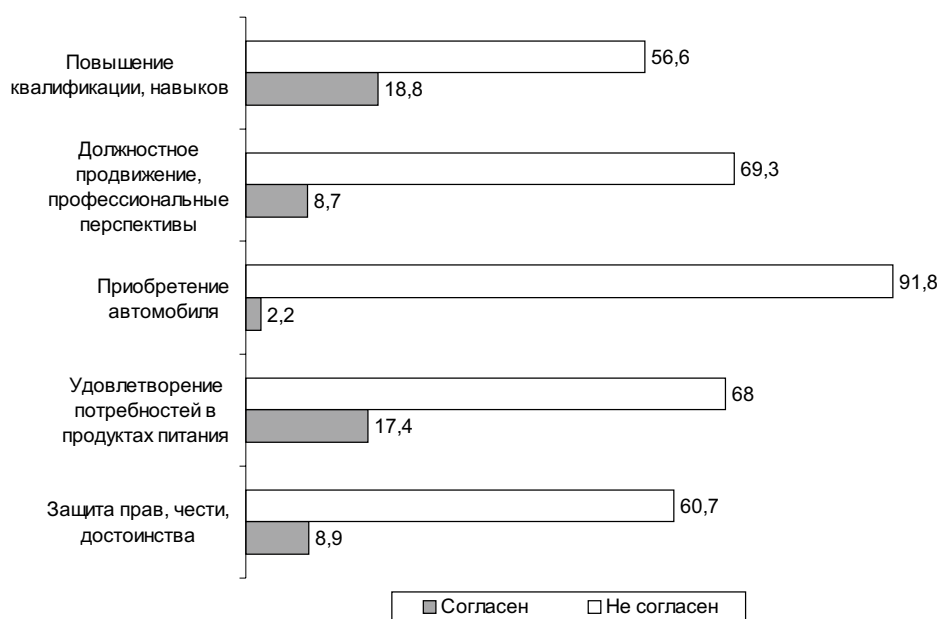

Рис. 3. Распределение ответов “согласен–не согласен” на вопрос “Имеете ли Вы шансы на...?”, %

Итак, в целом можем констатировать достаточно низкие оценки людьми собственных жизненных шансов относительно самых разнообразных аспектов жизни. Уверенность в том, что оценивались именно шансы, а не предпочтения или важность конкретных аспектов жизнедеятельности, дают результаты анализа нашими коллегами других данных того же мониторингового исследования Института социологии НАН Украины за 2003 год. Респондентам предлагали оценить важность лично для них двадцати составляющих жизни человека по пятибалльной шкале от “совсем неважно” (1 балл) до “очень важно” (5 баллов). Среди перечисленных составляющих жизни были близкие по смыслу к приведенным в табл. 1, но в качестве ценностных приоритетов в целом получившие самые высокие оценки. Как отмечает А.Ручка, среди наиболее важных для граждан Украины составляющих жизни оказались: крепкое здоровье — 4,9 балла; благополучие детей — 4,76; материальное благосостояние — 4,69; интересная работа — 4,29; общественное признание — 4,24; повышение образовательного уровня — 4,13 [20, с. 317]. Поэтому можем предположить существование огромного разрыва между важностью для индивидов ряда аспектов жизнедеятельности и шансами на их достижение.

Исследование влияния социально-классовой принадлежности индивида по схеме Дж.Голдторпа на оценку жизненных шансов демонстрирует, что среди восьми классов выше всего оценивают свои шансы представители IV класса, то есть мелкие собственники, самозанятые и фермеры, а также

класса, названного служебным (*I* и *II* классы в соответствии со схемой Голдторпа). Несмотря на то что класс мелких собственников, самозанятых и фермеров совсем недавно начал формироваться в Украине, его представители чувствуют себя уже достаточно уверенно, и их субъективная оценка жизненных шансов почти по всем предлагаемым вариантам является самой высокой среди всех классов. Даже представители служебного класса, к которому принадлежат преимущественно высокообразованные профессионалы и управленцы, считают свои жизненные шансы не такими высокими, как в случае представителей *IV* класса. Для последних характерна большая уверенность в материальной и экономической стабильности и перспективах по сравнению с другими. Например, согласно утверждениям, попавшим во второй фактор (шансы на комфортную жизнь), представители *IV* класса выше всех респондентов оценили свои шансы делать сбережения или значительные капиталовложения. Хотя даже для них различие между согласен/не согласен составляет 5 раз, а для остальных классов тенденция еще более негативная – более 90% представителей *II*, *III*, *VI*, *VII* и *VIII* классов не согласны с утверждениями о возможности делать сбережения (табл. 2).

Таблица 2

**Самооценка возможностей делать сбережения
у представителей различных классов, %**

<i>Классы</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Трудно сказать, согласен или нет</i>	<i>Согласен</i>
<i>I</i>	81,1	14,7	4,2
<i>II</i>	91,0	4,5	4,5
<i>III</i>	91,8	6,4	1,7
<i>IV</i>	61,5	26,2	12,3
<i>V</i>	85,4	5,2	9,4
<i>VI</i>	90,9	5,1	4,0
<i>VII</i>	90,4	7,3	2,3
<i>VIII</i>	94,3	5,1	0,6

Только по таким признакам, как возможность “чувствовать себя в безопасности на улице и дома”, “защитить честь, права, достоинство”, “получить образование, о котором мечтал”, “осуществлять должностное продвижение”, “повышать квалификацию”, “реализоваться как специалист”, класс мелких собственников, самозанятых и фермеров уступает классу служащих. Вполне возможно, что мелким предпринимателям и фермерам для эффективного управления собственным бизнесом недостает полученного ранее образования, ведь всего 10,7% представителей *IV* класса имеют высшее или незаконченное высшее образование, а подавляющее большинство – среднее общее или неполное среднее (43,1% и 21,5% соответственно).

Самый высокий уровень образования имеют представители *I* и *II* классов, однако жизненные шансы они оценивают ниже, чем представители *IV* класса. А вот между теми, кто принадлежит к *I* и *II* классам, прослеживается четкая закономерность: представители первого в целом оценивают свои жизненные шансы выше, чем второго.

По субъективным оценкам, наименьшие жизненные шансы имеют представители рабочего класса, индивиды, занятые низкоквалифицированным сельскохозяйственным трудом (*VIII*, *VII*, *VI* по схеме Голдторпа) и рутинным нефизическим трудом (*III* класс, на 91% состоящий из женщин). Для представителей этих классов характерны невысокий уровень образования и сравнительно низкий уровень материальной обеспеченности. Промежуточную позицию занимает *V* класс — техники и руководители низшего уровня в сфере физического труда. В большинстве утверждений его представители оценивают свои жизненные шансы не намного ниже представителей класса служащих.

В список вопросов, которые предлагались респондентам, также был включен отдельный вопрос о шансах осуществить жизненные планы и достичь успеха (рис. 4). Ответы распределились так: согласны с наличием таких шансов в *IV* классе — 33,3%, в *I* классе — 22,1%, во *II* классе — 19,7%. В *VIII*, *VII*, *VI* и *III* классах согласны соответственно 4%, 7,1%, 7,4% и 11,9%. Несогласных с этим утверждением больше всего в *VIII* (80%), *VII* (69,3%), *VI* (66,3%) и *III* (60,3%) классах.

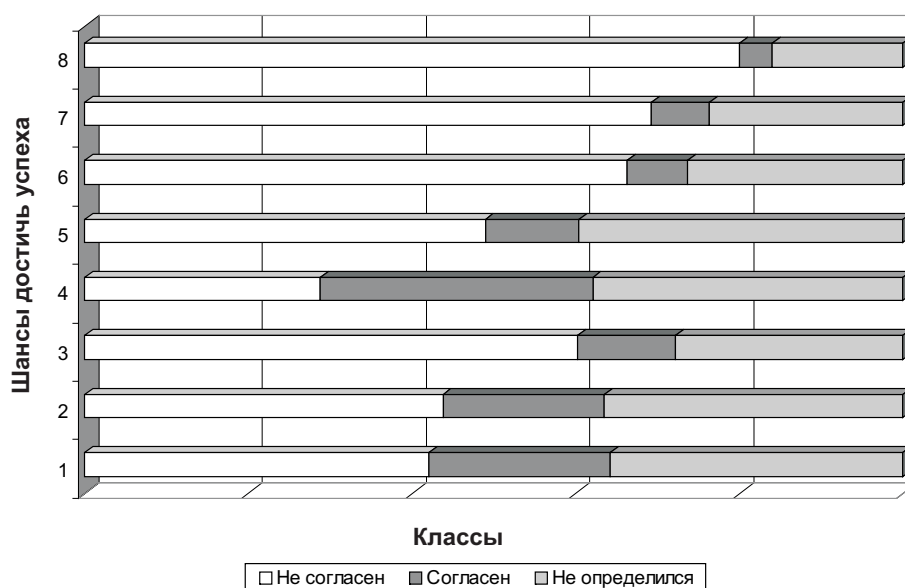

Рис. 4. Оценки шансов достижения успеха представителями разных классов, %

Приведенное распределение в оценке жизненных шансов населением Украины с небольшими отклонениями характерно для всех утверждений, которые предлагались для самооценки, за исключением признака «возможность чувствовать себя в полной безопасности на улице и дома» (табл. 3).

В наибольшей степени не согласны с утверждением о том, что чувствуют себя в безопасности, представители *VII*, *VIII*, *V* и *VI* классов, хотя доли несогласных в других классах отличаются статистически незначимо. Больше согласных оказалось в *VI*, *II* и, что любопытно, в *VIII* классе. А меньше всего согласились с предлагаемым утверждением представители *I* класса.

Таблица 3

Распределение ответов представителей различных классов на вопрос относительно утверждения: “Могу чувствовать себя в полной безопасности на улице и дома”, %

<i>Классы</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Трудно сказать, согласен или нет</i>	<i>Согласен</i>
<i>I</i>	62,1	29,5	8,4
<i>II</i>	57,0	28,5	14,5
<i>III</i>	60,8	28,9	10,3
<i>IV</i>	56,1	33,3	10,6
<i>V</i>	62,9	25,8	11,3
<i>VI</i>	62,9	22,6	14,6
<i>VII</i>	67,3	22,4	10,3
<i>VIII</i>	64,2	21,6	14,2

Первый фактор, определявшийся шансами на самореализацию и карьеру, — единственный среди четырех, в котором негативные и позитивные оценки имеют тенденцию к последовательному увеличению или уменьшению от первого класса до восьмого. Единственное отклонение в такой последовательности составляет *III* класс, представители которого (как правило, женщины) занимают позиции занятости рутинным нефизическим трудом, который не предполагает четких перспектив продвижения. Наибольшие шансы реализации в качестве специалистов — у представителей *I* и *II* классов, наименьшие — у занятых наемным физическим и сельскохозяйственным трудом (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов представителей различных классов на вопрос относительно утверждения: “Имею возможность реализовать себя как специалист”, %

<i>Классы</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Трудно сказать, согласен или нет</i>	<i>Согласен</i>
<i>I</i>	37,9	23,2	38,9
<i>II</i>	37,9	33,3	28,8
<i>III</i>	55,6	32,3	12,1
<i>IV</i>	45,5	34,8	19,7
<i>V</i>	48,5	33,0	18,6
<i>VI</i>	58,5	26,9	14,6
<i>VII</i>	64,8	26,1	9,2
<i>VIII</i>	70,4	25,4	4,1

Помимо вопросов по самооценке жизненных шансов во время опроса респондентам предлагалось также оценить реальность угрозы безработицы (табл. 5). Распределение ответов отличается от распределений по другим

признакам. Среди восьми классов чаще всего не соглашаются с утверждением о возможности стать безработным представители I (53,7%) и V (49%) классов, обнаруживая самую большую уверенность в стабильности занятости. В целом же, в отличие от негативной оценки жизненных шансов, 41,5% опрошенных не оценивают возможность оказаться безработными как реальную угрозу, для 27,7% это вполне реально, затруднились ответить — 30,8%. Согласных с утверждением меньше всего на противоположных концах классовой схемы, то есть в VIII классе (19,7%) и в I (20%). Чаще других признают реальность угрозы безработицы представители III (34,5%) и VI (32,1%) классов.

Таблица 5

Распределение ответов представителей различных классов на вопрос относительно утверждения: “Для меня реальной является угроза оказаться безработным”, %

<i>Классы</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Трудно сказать, согласен или нет</i>	<i>Согласен</i>
<i>I</i>	53,7	26,3	20,0
<i>II</i>	34,8	40,4	24,7
<i>III</i>	35,8	29,7	34,5
<i>IV</i>	33,3	37,9	28,8
<i>V</i>	49,0	28,1	22,9
<i>VI</i>	37,6	30,3	32,1
<i>VII</i>	45,8	26,5	27,7
<i>VIII</i>	45,3	34,9	19,8

Таким образом, на фоне в целом довольно низких оценок жизненных шансов и возможностей пока не наблюдается четкой, однозначно направленной зависимости таких оценок от классовой принадлежности индивидов в той мере, в которой это характерно для развитых капиталистических обществ. Присущая социальной структуре украинского общества несогласованность статусных характеристик индивидов — образования, дохода, власти, престижа — проявляется в отсутствии четкой корреляции между социальным классом и всей совокупностью жизненных шансов. Представители так называемого служебного класса в общем не отличаются лучшими жизненными шансами и возможностями, как это типично для рыночно развитых обществ. По многим самооценкам жизненных шансов их опережают мелкие собственники и самозанятые.

В целом, можем констатировать непреходящую, хотя и противоречивую, актуальность классового анализа в мировой социологии и настоятельную потребность в развитии классовой перспективы в социологии отечественной. Пока что речь идет главным образом о возможности приобщения к классовому анализу и кросскультурным сравнениям на основании применения к украинскому обществу общеизвестных теоретических концепций и эмпирических схем, что не находит всеобщего признания среди отечественных социологов, прежде всего в силу переходного состояния и степени индустриального развития нашего общества. Однако трансформация бывше-

го социалистического общества в рыночное капиталистическое с разнообразными субъектами экономических отношений, включая государство, побуждает обращаться к концепциям классового анализа общества, теоретически и эмпирически обоснованным именно на основании позиций индивидов в сложной сети рыночных и трудовых отношений. Если такие схемы классовой структуризации развитых капиталистических обществ принимать как условные идеальные модели, то можно проследивать определенные отклонения от них в социальной структуре украинского общества, которое также декларирует стремление достичь уровня развитого на основании рыночной экономики. Но это не означает, что нет необходимости создавать собственные концепции и схемы классовой или стратификационной структуры украинского общества, а не только прибегать к модификации уже имеющихся в классовом анализе, получившем признание в западной социологии.

Литература

1. *Breen R.* A Weberian Approach to Class Analysis. — <http://www.ssc.edu/~wright/papers.html>.
2. *Jary D., Jary J.* Collins Dictionary of Sociology. — Glasgo, 1995.
3. *Marshall G.* The Concise Oxford Dictionary of Sociology. — Oxford, 1994.
4. *Giddens A., Duneier M.* Introduction to Sociology. — N.Y., 2000.
5. *Weber M.* Selections from “Economy and Society”, vol. 1 and 2, and “General Economic History” // *Classes, Power, and Conflict. Classical and Contemporary Debates.* — Berkely, 1982.
6. *Wright E.O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. — Cambridge, 1997.
7. Life Chances: Some Effects of Social Class. — <http://mtsu32.mtsu.edu:11412/315/midchild/lifechances.html>.
8. *Гудденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М., 2003.
9. Straddling Theory and Practice. Conversation with Sir Ralf Darendorf. — <http://globetrotter.berkeley.edu/Elberg/Darendorf/darendorf2.html>.
10. *Darendorf R.* Life Chances: Approaches to Social and Political Theory. — L., 1979.
11. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000.
12. *Clark T.N., Lipset S.M.* Are Social Classes Dying? // *International Sociology.* — 1991. — Vol. 6. — № 4. — P. 293–316.
13. *Emmison M., Western M.* Social Class and Social Identity // *Sociology.* — 1990. — Vol. 24. — № 2. — P. 241–253.
14. *Pakulski J.* Anti-class Analysis: Social Inequality and Post-Modern Trends. — <http://www.ssc.wisc.edu/~wright/papers.html>.
15. *Evans G.* Political Ideology and Popular Beliefs about Class and Opportunity: Evidence from a Survey experiment // *British Journal of Sociology.* — 1997. — Vol. 48. — № 3. — P. 451–470.
16. *Marshall G., Sift A., Roberts S.* Against the Odds? Social Class and Social Justice in Industrial Societies. — Oxford, 1997.
17. *Goldthorpe J.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. — Oxford, 1980.
18. *Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux. — Oxford, 1992.
19. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии. — К., 2003.
20. *Ручка А.* Міжгрупова та внутрішньогрупова диференціація ціннісних пріоритетів громадян України // *Українське суспільство* — 2003. Соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2003. — С. 314–328.